

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать следующий вывод. Цифровизация уже является частью нашей жизни. Цифровизация неотделима от своих положительных и отрицательных последствий. Цифровизация уже проникла во все сферы нашей жизни, от производства до ведения быта. Цифровизация обогатила наши человеческие возможности, в том числе возможность бесконечно расширять свой кругозор, творить и делать мир лучше, а также возможность мобильности наших взглядов. Тем не менее, нам уже приходится сталкиваться с ее негативными эффектами — благо, сама цифровизация дает все ресурсы для их преодоления.

Список источников

1. КиберЛенинка [Электронный ресурс] / Стратегия и философия цифровизации. — Москва, 2018. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-i-filosofiya-tsifrovizatsii/viewer>. — Дата доступа: 10.11.2020.
2. World Health Organization. Regional office for Europe [Электронный ресурс] / Social determinants. — Копенгаген, 2019. — Режим доступа: <https://www.euro.who.int/en/health-topics/health-determinants/social-determinants/social-determinants>. — Дата доступа: 10.11.2020.
3. Ежедневник [Электронный ресурс] / Рост психически расстройств. — Минск, 2018. — Режим доступа: <https://health.ej.by/health/2018/10/11/ubelorusov-otmechaetsya-suschestvennyu-rost-psihicheskikh-rasstroystv.html>. — Дата доступа: 10.11.2020.

<http://edoc.bseu.by/>

М.Ю. Наумчик, студент
michael.naumchik@gmail.com
БГЭУ (Минск)

М.Ю. Наумчик. ПРОБЛЕМА НАРРАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Нарратология как наука, изучающая нарративы, с момента своего появления занималась анализом форм, принимаемых человеческими историями и их деконструкцией до универсальных составляющих (базовых элементов и сюжетных линий). Однако концепция нарратива оказалась удачной, и с момента своего зарождения в филологии была перенята разнообразными исследователями для применения в области других гуманитарных наук, таких как философия, социология, антропология, психология, политология и др.

Моментом зарождения нарратологии как междисциплинарной науки можно назвать 1960-ые [1], когда французские структуралисты (в частности,

Ролан Барт) начали анализировать лингвистику как социальный механизм, содержащий в себе набор базовых принципов, объединяющий все нарративы. Одним из наиболее влиятельных исследователей лингвистики показавшим ее влияние на другие социальные науки и прочие формы нарративов является антрополог К. Леви-Стросс. К. Леви-Стросс ввел различие между поверхностными структурами (уникальные делаи определенного набора действий в нарративе) и глубинными структурами (универсальные оппозиции, такие как например жизнь/смерть, по-разному проявляющиеся в языке в зависимости от самого языка или культуры). Кроме влияния на нарратологию лингвистики и антропологии, стоит отметить значительное влияние русского формализма на нарратологию, в частности В. Проппа, М. Бахтина и В. Шкловского. Работа структуралистов в рамках различных дисциплин демонстрирует что нарративы имеют серьезное влияние на научное понимание множества дисциплин: антропологии и истории, теологии и психоанализа, даже несмотря на то что нарративные формы в науке отличаются от нарративных форм в литературе. Несмотря на теоретические различия, множество антропологов (Дж. Кэмпбелл, К. Леви-Стросс), структуралистов (Н. Фрай) и русских формалистов (В. Пропп) утверждали, что все истории - это просто вариации некоторого набора универсальных повествований, а изучение нарративов может помочь понять сущность человеческой природы и опыта.

Идея существования универсалий, что влияют на нарративы в целом, а также на структуру языка и сознания критиковалась постструктуралистами, в частности, Ж.-Ф. Лиотаром, Ж. Деррида и М. Фуко. Постструктурализм по большей части отрицает поиск и само существование универсальных понятий в человеческой природе, культуре, истории или языке. Ж. Деррида, например, использует метод деконструкции для доказательства того что всякая написанная или сказанная речь не может идеально передать познанный объект, потому что ни речь, ни объект не являются постоянным или даже стабильным, они изменяются. М. Фуко ставил под сомнение исторические методологии, что обеспечивают гладкие и последовательные нарративы, в частности те, что трактуют историю как движение прогресса к определенной цели. Его альтернатива, генеалогия, метод понимания истории, который способен воспринимать разрывы в истории иначе, чем в ее линейном восприятии, а саму историю трактует как пересечение множественных истоков нынешней конфигурации практики. Поэтому, критику нарративов М. Фуко и Ж. Деррида стоит воспринимать как критику нарративов в целом, а как критику нарративов, претендующих на свою целостную, неразрывную и тотальную по своей природе картину мира.

Особенности нарративного подхода, привлекающие исследователей, это, прежде всего, интерес к смысловому содержанию, к человеческому опыту и способам его конструирования, использование актуальных идей социального конструкционизма и постмодернизма, а также использование качественной методологии. Разнообразие определений нарратива приводит к

методологическим проблемам и разногласиям в исследованиях, авторы которых относят себя к нарративному направлению или используют понятие нарратива. Если использование идей нарративного подхода на теоретическом уровне методологии, как правило, подкрепляется соответствующими обоснованиями, то на методическом уровне понятие нарратива зачастую отождествляется с любыми данными, полученными в ходе качественного интервью, анализ нарративов используется как синоним приемов аналитической работы с подобными данными. Основным вопросом, разрабатываемый приверженцами этого подхода, состоит в том, каким образом нарратив создает личность нарратора (и реципиента нарратива), и как с ней связаны структурные элементы нарратива.

Несмотря на некоторый скептицизм к нарратологии в целом, отрицать эффект нарративов на науку сложно. Научные работы, написанные в нарративной форме скоро могут стать новым видом дискурса. Исследования в различных областях науки показывают, что нарратив является одним из самых эффективных видов дискурса. Например, нарративный рассказ куда лучше удерживает внимание слушателей чем ненарративный рассказ [2].

Однако не каждый текст, даже будучи историческим, является нарративом. Например, исторические анналы просто перечисляют события в хронологическом порядке, не пытаясь свить из них единую историю. Описания исторических событий хоть и имеют множество деталей, но не всегда расположены хронологически и не стараются претендовать на наличие нового смысла. Исторические теории вовсе несут в себе множество разрозненных предпосылок и следствий.

Многочисленными исследователями выделяются различные характеризующие свойства нарратива. Е. Кутковская в своей статье “Нарратив в исследовании идентичности” [3] лаконично выводит два наиболее распространенных свойств. Первое - это особый временной порядок, характерный для повествования и расположенный линейно: начало, кульминация, конец. Это свойство также зачастую называется темпоральностью. Второе свойство - идея о трансформации, изменении в ходе нарратива. Это, в свою очередь, связано с тем что нарратив можно воспринимать двояко и разделять в нем содержания нарратива и события наррации.

Также важно заметить, что одной из характеризующей черт нарратива является то, что нарратив всегда является продуктом чьей-либо перспективы. Данный факт отмечает политолог Ш. Шенхав в своей работе “Политические нарративы и политическая реальность” [4]. Наличие чьей-либо перспективы у нарратива связано с избирательностью мировосприятия создателя нарратива в мире бесчисленных событий. В своей работе исследователь задается вопросом о том, как же связаны нарратив и реальность и возможно ли интегрировать нарративы в подобие сети, что будет куда более объективно отражать реальность.

Дебора Стон в своей книге “Policy Paradox: The Art of Political Decision Making” [5, с. 158] выделяет два обобщенных вида нарративов в политике: истории упадка и истории контроля. Истории упадка можно охарактеризовать следующей формулой: «Раньше было лучше. Сейчас все плохо. Скоро наступит кризис, но если мы предпримем ряд мер, то мы выживем». Такой нарратив в политике обычно опираются на статистику, «подтверждающую» ухудшение ситуации и опираются на создании эмоций страха и отчаяния. История упадка может иметь вариации, например история сорванного прогресса или история иллюзорного прогресса. Истории контроля же характеризуются так: «Ситуация плоха, мы думали, что мы бессильны, но теперь мы видим что изменить ситуацию можно». Данный нарратив оперирует эмоцией надежды и опирается на тезис о том, что новообретенный контроль над ситуацией принесет разрешение насущных проблем. Истории контроля тоже имеют вариации, такие как конспирологические истории и истории обвинения жертвы.

Нарративы могут использоваться в стратегических целях отдельными политиками или целыми группами интереса. Политические акторы на протяжении всей истории полагались на нарративы в своих целях, но в последнее время изучение нарративов повлекло за собой осознание способностей этого политического инструмента во внутренней и международной политике. Нарратив в политике - это не о поиске правды, а скорее о создании истории, обосновывающей их стремления и предающей их интересам, позиции и действиям влияния. Анализ нарративов, то есть историй, рассказываемых людьми, может обеспечить исследователя богатым источником информации о восприятии, агрегации, трансформации и интерпретации окружающего мира людьми. Нарратив может не только отражать индивидуальный жизненный опыт человека, но и также отображать культурные и прочие коллективные особенности восприятия мира вокруг. Понятие нарратива имеет значительный потенциал для использования в политологии, но требует непосредственного освоения в рамках политической науки. Нарратология как междисциплинарная область знания лишь недавно стала использоваться в политологических исследованиях и все еще требует разностороннего изучения и применения на практике.

Список источников

1. Patterson, M., Monroe, K. R.. Narrative in Political Science. [Electronic resource] / M. Patterson. // Annual Review of Political Science. — Mode of access : https://www.annualreviews.org/doi/full/10.1146/annurev.polisci.1.1.315#_i3. — Date of access : 12.11.2020.
2. Golding, D., Krinsky, S., Plough, A. Evaluating Risk Communication: Narrative vs. Technical Presentations of Information About Radon. [Electronic resource] / D. Golding. // Wiley Online Library. — Mode of

access : <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1539-6924.1992.tb01304.x>. — Date of access : 12.11.2020.

3. Кутковая, Е.С. Нарратив в исследовании идентичности. / Е.С. Кутковая // Национальный психологический журнал. — 2014. — № 4(16). — 23-33 с.

4. Shenhav, S. R. Political Narratives and Political Reality. [Electronic resource] / S. R. Shenhav. // International Political Science Review. — Mode of access : <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0192512106064474>. — Date of access : 12.11.2020.

5. Stone, D. Policy Paradox: The Art of Political Decision Making. / Deborah Stone. // W. W. Norton & Company, Inc., 2012. — 408 с.

*А.А. Павильч, профессор
БГЭУ (Минск)*

<http://edoc.bseu.by/>

А.А. Павильч. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СТАТУС И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС КОМПАРАТИВИСТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Типичные для современного гуманитарного знания междисциплинарные взаимосвязи, определяемые метаязыком современной науки как парадигмальные прививки, являются фактом взаимодействия отдельных картин исследуемой реальности и результатом переноса представлений, идеалов, проблем исследования. На пограничье разных научных областей сформировалась сфера культурологической компаративистики, связанная со сравнительным изучением разных аспектов социокультурной реальности и мультикультурной динамики. Компаративные исследования культур являются связующей сферой всех гуманитарных наук, поскольку обращены к изучению онтологической сущности культурного разнообразия и анализу его разных проявлений, способов существования, особенностей функционирования и взаимодействия. Компаративная парадигма как совокупность фундаментальных научных положений, теоретико-методологических установок и принципов исследования культурного разнообразия формировалась в рамках разных историко-культурных и философских традиций, научных областей и направлений.

Начало формирования научных основ изучения культурного разнообразия в рамках философского и гуманитарного знания восходит к рубежу XVIII–XIX вв., ставшему точкой отсчета в развитии классической гуманитарной науки. Поликультурная реальность явилась одним из предметов рефлексии в немецкой классической философии (И. Кант, Г.В.Ф. Гегель). Классический период гуманитарной науки, предшествовавший активному реструктурированию научных отраслей и выделению многочисленных субдисциплин во второй половине XX в., характеризовался